

Поэма Уланша

Category: Kitarcsy, Pоеmalar
написано kitarcsy | 24 января, 2025
Поэма Уланша ПОЭМА УЛАНША

Идет наш пестрый эскадрон
Шумящей, пьяною толпою;
Повес усталых клонит сон;
Уж поздно; – темной синевой
Покрылось небо... день угас;
Повесы ропщут: «мать их в жопу
Стервец, пожалуй, эдак нас
Прогонит через всю Европу!»
– Ужель Ижорки не видать!.. –
«Ты, братец, придавил мне ногу;
Да вправо!» – Вот поднял тревогу! –
– «Дай трубку» –Тише – еб их мать,
Но вот Ижорка, слава богу,
Пора раскланяться с конем.
Как должно, вышел на дорогу
Улан с завернутым значком.
Он по квартирам важно, чинно
Повел начальников с собой,
Хоть, признаюсь, запах винной
Изобличал его порой...
Но без вина что жизнь улана?
Его душа на дне стакана,
И кто два раза в день не пьян,
Тот, извините! – не улан.
Скажу вам имя квартирьера:
То был Лафа буян лихой,
С чьей молодецкой головой
Ни допель-кюмель, ни мадера,
И даже шумное ай
Ни разу сладить не могли;
Его коричневая кожа

Была в сияющих угрях,
И, словом, всё: походка, рожа,
На сердце наводили страх.
Надвинув шапку на затылок,
Идет он... все гремит на нем,
Как дюжина пустых бутылок,
Толкаясь в ящике большом.
Шумя как бес, он в избу входит,
Шинель скользя валится с плеч,
Глазами вокруг он косо водит,
И мнит, что видит сотню свеч:
Всего одна в избе лучина!
Треща пред ним горит она;
Но что за дивная картина
Ее лучом озарена!
Сквозь дым волшебный, дым табашный
Блистают лица юнкеров;
Их речи пьяны, взоры страшны!
Кто в сбруе весь, кто без штанов,
Пируют – в их кругу туманном
Дубовый стол и ковш на нем,
И пунш в ушате деревянном
Пылает синим огоньком. –
«Народ!» – сказал Лафа рыгая, –
Что тут сидеть! за мной ступай –
Я поведу вас в двери рая!..
Вот уж красавица! лихая!
Пизда – хоть ложкою хлебай!
Всем будет места... только, други,
Нам должно очередь завести!...
Пред богом все равны...
Но, братцы, надо знать и честь...
Прошу без шума и без драки!
Сначала маленьких пошлем;
Пускай потыкают собаки...
А мы же грозные ебаки
Во всякий час свое возьмем!»

– «Идем же!...» разъярясь как звери,
Повесы загремели вдруг,
Вскочили, ринулись, и с двери
Слетел как раз железный крюк.
Держись, отважная красotka!
Ужасны молодцы мои,
Когда ядреная чесотка
Вдруг нападает на хуи!..
Они в пылу самозабвенья
Ни слез, ни слабого моленья,
Ни тяжких стонов не поймут;
Они накинута толпою,
Манду до жопы раздерут
И ядовитой малафьею
Младые ляжки обольют!..
Увы, в пунцовом сарафане,
Надев передник белый свой,
В амбар пустой уж ты заране
Пришла под сенью мглы ночной...
Неверной, трепетной рукой
Ты стелешь гибельное ложе!
Простите, счастливые дни...
Вот голоса, стук, гам – они...
Земля дрожит... идут... о, боже!..
Но скоро страх ее исчез...
Заколыхались жарки груди...
Закрой глаза, творец небес!
Зажмите уши, добры люди!..
Когда ж меж серых облаков
Явилось раннее светило,
Струи залива озарило
И кровли бедные домов
Живым лучом позолотило,
Раздался крик... «вставай скорей!»
И сбор пробили барабаны,
И полусонные уланы,
Зевая, сели на коней...

Мирзу не шпорит Разин смелый,
Князь Нос, сопя, к седлу, прилег,
Никто рукою онемелой
Его не ловит за курок...
Идут и видят... из амбара
Выходит женщина: бледна,
Гадка, скверна, как божья кара
Истощена, изъебена;
Глаза померкнувшие впали,
В багровых пятнах лик и грудь,
Обвисла жопа страх взглянуть!
Ужель Танюша! – полно, та ли?
Один Лафа ее узнал,
И, дерзко тишину наруша,
С поднятой дланью он сказал:
«Мир праху твоему, Танюша!..»

С тех пор промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навеки сохранило ей
Уланши громкое название!

«Лермонтов импровизировал для своих товарищей целые поэмы, на предметы самые обыденные из их казарменной и лагерной жизни. Эти поэмы, которые я не читала, так как они написаны не для женщины, как говорят, отличаются жаром и блестящей пылкостью автора».

Е. П. Ростопчина.

Михаил ЛЕРМОНТОВ. Poemalar